

Оксана Аркадьевна Якименко

старший преподаватель кафедры финно-угорских языков филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: oxana.yakimenko@gmail.com

«Март был мгновеньем»: 15 марта, день революции 1848 г., от Шандора Петёфи до Дёрдя Петри

В статье прослеживается трансформация рецепции одного из главных праздников Венгрии — 15 марта, дня начала революции 1848 г. — в венгерской поэзии, начиная со второй половины XIX в. до начала XXI в. За этот период события революции 1848–1849 гг. стали частью национальной исторической мифологии. Переход от восторженного воспевания героического подвига к размышлениям о месте этого праздника в национальной, а затем и в личной истории обусловлен не только переосмыслением событий прошлого в контексте вновь возникающих политических и идеологических реалий, но и сдвигом в понимании и восприятии свободы в общечеловеческом и национальном смысле. В исторической перспективе это переход от праздника-воспоминания о славном прошлом к революционному «празднику праздников», а затем к празднику-символу борьбы с «актуальными» врагами, которые могли меняться в зависимости от эпохи, и, наконец, отказ от национальной романтики в пользу индивидуальной и семейной истории.

Ключевые слова: Литература Венгрии, венгерская поэзия, поэтика, венгерская революция 1848–1849 гг., политическая поэзия, культурная политика, концепт свободы

Один из главных венгерских праздников — 15 марта, день начала революции 1848 г. — всегда был едва ли не самым «сложным» для празднования. После разгрома революции праздновать его было запрещено; в 1860 г. солдаты разогнали молодежь, пытавшуюся возложить венки к могилам павших героев. После заключения Соглашения 1867 г. было разрешено чтить память погибших, но не рекомендовалось делать это публично. В 1919 г. Бела Кун провозгласил этот день «праздником праздников». В период регентства М. Хорти лозунги революции использовались как призыв идти на борьбу с «вечными врагами» — немцами, русскими (к ним теперь добавили и коммунистов). После 1945 г. этими врагами становятся «американские империалисты», Тито и «банда Райка». Впоследствии идеология этого праздника претерпела еще не одну трансформацию.

Проследить изменение отношения к событиям марта 1848 г. в венгерском обществе можно не только по историческим документам, но и по рефлексии в литературе. Для анализа мы выбрали стихотворения Дюлы Юхаса, Дюлы Ийеша, Дёрдя Петри и других венгерских поэтов XX в.

Поэтический текст стал символом революции 1848 г. с первых часов, фактически с него она началась. «Национальная песня» («*Nemzeti dal*», 1848) Шандора Петёфи (1823–1849) прозвучала как призыв к немедленному действию, о чем в дневнике записал сам поэт:

Полные восторга и веры в судьбу, пошли мы снова в кофейню, где уже было полно молодежи, Йокаи прочел воззвание, я прочел «Национальную песню». И то и другое было встречено гулом одобрения. («Национальную песню» я написал за два дня до 15 марта, на случай праздника, которое хотела устроить молодежь 13 марта и которое, ввиду последующих событий, оказалось уже ненужным. Пока я за одним столом писал «Национальную песню», за другим столом моя жена мастерила себе национальный головной убор¹.

Первую строфу и рефрен «Национальной песни» без преувеличения можно отнести к числу ключевых кодов венгерской идентичности:

Встань, мадьяр! Зовет отчизна!
 Выбирай, пока не поздно:
 Примириться с рабской долей
 Или быть на вольной воле?
 Богом венгров поклянемся
 Навсегда —
 Никогда не быть рабами,
 Никогда!²

В тот же день Михай Вёрёшмарти (1800–1855) написал стихотворение «Свободная печать» («*Szabad sajtó*»), в котором призвал томящийся в рабстве разум размять «больную, затекшую мысль» и принести измученной родине «радость, утешение и благословение»³.

Именно эти два текста во многом определили риторiku послереволюционной поэзии второй половины XIX в., так или иначе связанной

¹ Петёфи Ш. Собрание сочинений. В 3-х т. Будапешт: Корвина, 1963. Т. 3. С. 184.

² Перевод Леонида Мартынова.

³ Здесь и далее подстрочные переводы фрагментов стихотворений выполнены автором статьи.

с темой 15 марта, однако после Соглашения 1867 г. и обретения Венгрией автономии, граничившей с независимостью, призывы сбросить иго тиранов сменяются, скорее, просьбами к новым поколениям сохранить завоевания предшественников. По мнению Лайоша Бартока (1851–1902), славное будущее ожидает «наследников великой молодости великого марта» «не на поле брани, но на полях мира» (стихотворение «К венгерской молодежи» — «*A magyar ifjúsághoz*»). К началу XX в. события революции 1848–1849 гг. постепенно превратились в часть национальной исторической мифологии, обрели статус легенды. Если Барток сравнивает героев марта со спартамцами и римлянами, то в стихотворении Эмила Абрани (1850–1920) «Пятнадцатого марта» («*Március tizenötödikén*», 1901) март назван «святой эпохой», родина отождествляется с Эдемом, а революция — с воскресением («Прекрасный март, <...> ты — свобода, надежда, / ты — жизнь, воскресение»). Восторг и восхищение «преlestью» марта к концу стихотворения перерастают у автора практически в религиозный экстаз:

Если в мартовские иды⁴ / у меня спросят, во что я верю, / Я отвечу открыто, честно: / Моя вера — родина! <...> Моя вера — та святая сила, / Что вырывается из могил мучеников, / Или, словно какой-нибудь Бог, сходит с небес на землю.

Герои марта окончательно переходят в сонм национального пантеона и встают рядом с Арпадом. Благодаря «святому дню марта» «от мрачных Карпат до ласковой Адриатики эта земля все еще остается венгерской».

Столь подробный пересказ далеко не самого выдающегося — в художественном смысле — произведения венгерской поэзии представляется нам необходимым для того, чтобы показать, как резко меняется восприятие 15 марта в XX в. у авторов следующего поколения. Кардинальный сдвиг, по нашему мнению, во многом связан с трансформацией идеи свободы в широком, общечеловеческом и более узком национальном смысле. С середины XIX в. до нашего времени концепт свободы в европейской культуре претерпевает серьезные изменения: от высшей добродетели и воплощения коллективного идеала к началу XX в. свобода постепенно становится ценностью индивидуальной.

⁴ Позднее эту аналогию более подробно раскрыл Дюла Юхас.

Переход от восторженного преклонения перед славными деяниями недавних предков к непростым размышлениям о значении 15 марта и перспективах венгерской истории наблюдается в самом начале XX в. у поэтов, объединившихся вокруг журнала «*Nyugat*» («Запад», в российской историографии также известен как «Нюгат»). Самыми заметными, в этом смысле, можно считать тексты Эндре Ади (1877–1919) и Дюлы Юхаса (1883–1937). Причем, если у Ади размышления о былом величии и бессилии современников вызывают ярость, у Юхаса — лишь тихую печаль.

Одно из первых в серии стихотворений Ади, написанных на 15 марта, «К мартовским старцам» («*A márciusi vénekhez*», 1905) — страстный призыв к молодым современникам перестать все время оглядываться назад и сотворить наконец собственную весну: «Вяло жевать жевачку... / Наверное, дело волов, / Если у нас не будет своей весны, / Пусть мы лучше провалимся в ад».

Следующее стихотворение на эту тему, «Март страны, что больна подагрой» («*Köszvény-ország márciusa*») было опубликовано непосредственно в очередную годовщину — 15 марта 1907 г. — в газете «*Budapesti Napló*» («Будапештский дневник»). История его создания связана с личностью Ференца Кошута, сына легендарного предводителя венгерской революции Лайоша Кошута, которого долгое время считали продолжателем дела отца. К моменту написания стихотворения он был уже пожилым человеком и, по свидетельству Дюлы Фёльдешши, жертвой нападок газетчиков в связи с «управляемой подагрой». Ади использует эту отсылку как метафору окостенения и неподвижности всей страны. Настроение стихотворения переключается с мыслями, ранее высказанными Ади в статьях:

С некоторых пор испытываешь грустный стыд, когда где-либо придёте признаться, что являешься венгром. Чужаки одной рукой лезут нам в жилетный карман за золотыми часами, а другой — тянутся к кошню. Иностранные газеты без колебаний пишут о нас как о народе магнатов, авантюристов и нищих. В одном французском обзоре читаю, дословно: “страна с самым коррумпированным правительством”. Так пишут, говорят о нас — как о стыде Европы⁵.

⁵ Ady Endre összes prózai művei: Újságcikkek, tanulmányok 11 kötetben / Kiad. E. Vezér. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1968. 8. köt. 1906. június — 1907. szeptember. URL: <http://mek.oszk.hu/00500/00583/html/> (дата обращения: 12 10 2018). 164–165. old.

И далее:

Венгрия умирает под феодальным гнетом. Страну покидают не только сильные, работающие крестьяне, но все, кто на это способен <...>. Дома нет ни хлеба, ни культуры. Из несчастной страны спасаются все, кто может: магнаты, авантюристы и нищие⁶.

В стихотворении Ади вызывает к славному прошлому, когда рождались великие деяния, когда «мы были Японией мира» — отсылка к победам Японии над Россией в ходе русско-японской войны (Ади вообще много писал о «маленьких желтых людях»). Восхищение героическими японцами заставляет поэта вспомнить о Венгрии времен борьбы за свободы, когда «Римом стали деревни гуннов», и венгры бились с беззаветным героизмом римлян (см. ту же параллель у композитора Белы Бартока). Былой славе поэт противопоставляет вульгарную и отсталую политику современной ему Венгрии, а на вопрос «А где же молодежь?» — отвечает: «Новые юноши стоят в оцепенении / визгливо выкрикивают псалом Марии, / плясь на образа». За полгода до этого Ади писал в статье о массовом обращении в христианство среди французской молодежи, противопоставляя ее духовные искания равнодушию венгерских юношей и девушек. Со свойственной ему прямолинейностью на вопрос «Что стало с нами?» Ади отвечает: «Мы стали привычными ко всему скотами».

Резкой критике подвергается в стихотворении и Ференц Кошут — по мнению Ади, он предатель, пошедший на соглашение с Венной: «Ваше благородие, Франц фон Кошшут», — так называет его поэт. «Достается» и Енё Ракоши — одной из ключевых фигур литературного истеблишмента, столпа консервативной критики — «содомскому мудрецу, подлому, старому прислужнику» (намек на гомосексуальность — ответ на нападки и упреки в «извращенности» Ади со стороны Ракоши, после этого стихотворения Ракоши на некоторое время «приостановил поход против Ади»)⁷.

Два года спустя Дюла Юхас посвятил 15 марта стихотворение, которое назвал «На мартовские иды» — в нем он, вслед за Абрани, зарифмовал события революции 1848 г. с римскими мартовскими идами (иды — день в середине месяца в римском календаре) 44 г. до н.э.,

⁶ Ady Endre összes prózai művei. 8 köt. 176. old.

⁷ Földessy 1962: 301.

днем убийства Юлия Цезаря — символом роковой неизбежности поражения. При том что само стихотворение, на первый взгляд, вполне оптимистичное. Однако «душа оглядывается назад с грустью», намекая на призрачность и невозвратимость былой славы.

В стихотворении Юхаса перед читателем предстает уже канонизированная к началу XX в. историческая картина — «как все было», «когда звенели слова молодого Йокаи и пламенного Петёфи, / Колыхались в петлицах ленточки и развевались знамена; / Поэт взывал и отвечал народ».

У Юхаса, в отличие от яростного Ади, мартовский триумф свободы становится нежным, едва уловимым воспоминанием — «светит тихим и прелестным светом». Цветком революции становится хрупкая фиалка: «Таким днем был тот, годовщина которого / Сегодня бросает нам в сердца свои фиалки», «Великий день исчезнувшего марта, <...> Который разбудил фиалку новых надежд» — почти у всех, кто после него писал о революционном марте в лирическом ключе фигурирует в стихах либо фиалка, либо подснежник. Помимо тихой печали у Юхаса, как впоследствии у Атили Йожефа (1905–1937), звучит надежда на будущее: «Красота, истина, медленно идут вперед / В более прекрасное, справедливое, счастливое будущее».

Печаль и разочарование перерастают в отчаяние и безнадежность в отправленном молодым членам «Кружка Галилея» еще одном, посвященном этой теме стихотворении Эндре Ади «Мартовскому Дню» («*A márciusi Naphoz*», 1910). С двух сторон текст стихотворения обрамляют заключенные в скобки плачи-причитания, обращенные к Мартовскому Дню:

(Мартовский День, велика твоя сила
И венгерский март, венгерскую революцию
Не озарил ты нас и на тысячу лет:
Мы сидели вечно в ледяном страдании).

(Мартовский День, велико твое поражение,
Чудесно твое явление,
Но захоти же наконец, чтобы мы тоже захотели,
Но захоти же наконец, чтобы мы не умерли безобразно.)

Привычных образов (весна, свет, пламя) оказывается недостаточно, чтобы преодолеть отсталость (постоянный мотив у Ади) и от-

ветить далеко ушедшему вперед миру: «Заслужили ли мы жизнь и будущее». Для этого, считает поэт, «нужны слова посильнее слов Петёфи».

Спустя два года, в 1912 г., Ади словно бы находит эти слова — очередное его послание «Кружку Галилея»: «Новый весенний смотр войск» (*«Új tavaszi seregszemle»*, 1912) в отличие от предыдущих пессимистичных размышлений о неспособности нового поколения поднять знамя марта полно надежды на обновление. Это уже не плач, но марш, в котором «новое» и «свежее» противопоставлено «старому», «дряхлому»: «свежие сердца», «в новом ритме скачущее войско лошадей», «по-новому видящие глаза», «новый мир» призваны наполнить жизнью и кровью «дряхлый труп маленькой, сгнившей страны». В 1956 г. строфа из этого стихотворения («Огонь, кровь, жар, новость, радостные перемены, / Чистое созидание пламенеет в глазах, / Вечная весна, вечная революция, / О, сверкай всегда еще ярче») обретает новый смысл в воззвании к революционной молодежи — студентам и старшеклассникам, опубликованном в газете *«Szabad Nép»* («Свободный народ») 23 октября 1956 г.⁸

Однако вскоре оптимизм снова сменяется у Ади ощущением безнадежности, и в стихотворении «Воспоминание о (мартовских) идах» (*«Emlékezés (Március) Idusára»*, 1915) — название которого отсылает к тексту Юхаса, — он вновь соотносит март 1848 г. с роковыми мартовскими идами. «Славная молодость» «отгорела», поэт жаждет вернуться к себе, юному, верившему в возможность победы, но в «том давнем марте» «молодой бард» (Петёфи), увы, «обманывал искренне и успешно», а завтрашний день представляется «подлым».

В марте 1919 г. после буржуазно-демократической Революции астр (31 октября — 16 ноября 1918 г.) и накануне провозглашения Венгерской советской республики (21 марта — 6 августа 1919 г.) печальные прогнозы Э. Ади казались ушедшими в прошлое. Выступая у памятника Петёфи во время празднования очередной годовщины революции 1848 г. Енё Ландлер — будущий народный комиссар и главнокомандующий венгерской Красной армией, полемизируя с «певцом венгерской пустоши» заявляет:

⁸ См.: Korányi (szerk.) 1989: 46–48.

Это последний март, когда мы говорим о том, что “будет еще один март...” (иными словами, наконец осуществится то, за что боролись в 1848 г., и больше революции будет не нужны. — О.Я.)⁹.

В 1924 г. Дюла Юхас также возвращается к теме 15 марта в ностальгическом ключе: в стихотворении «15 марта 48 г.» («48 *március 15.*») воссозданы события вечера знаменательного дня, когда в Национальном театре по просьбе публики актеры вместо французской пьесы начали играть драму «Бан Банк». В какой-то момент воодушевление и напряжение достигли такой точки, что представление пришлось прервать, и актеры — в том числе и знаменитая Рожа Лаборфалви — принялись вместе со зрителями распевать революционные песни и декламировать стихи Петёфи и Вёрёшмарти. Момент всеобщего подъема, революционного (близкого к религиозному) экстаза обрывает у Юхаса почти неземную прелесть:

О чудный давний вечер... блестящий успех, / Когда придет сравнимый с тобой, / Слава твоя до небес... Глагол стал плотью, храбрые / И пылкие зрители тебе рукоплескали... Петёфи, Йокаи, Вашвари, Танчич и многие великие / Юноши, опьяненные ранней весной, / Актрисой твоей была Рожа Лаборфалви... / О, дивный чудный вечер, вернешься ли?

Особым было отношение к революции 1848 г. и связанному с ней празднику у Аггилы Йожефа. Непосредственно посвященных этому событию стихотворений у него нет, тем не менее, учитывая, с каким пиететом он относился к Петёфи, стихотворение «Огонь Петёфи» («*Petőfi tűze*», 1923) можно вполне отнести к заявленной теме — ведь в нем идет речь и о том, как живой поэт, пламя, идея «этой маленькой семьи» (читай — венгерского народа) исчез («где он?»): «В твою честь празднует / вздыхающий народ и глухое Угнетение». По мнению поэта, праздник выхолостил истинную суть события: «огонь твоей большой души, Идею, / закрывают пестрые холодные всполохи. / В празднике тебя глубоко закопали!» Однако, считает Йожеф, надежда есть — идея, огонь горят в «вечной песне» «Всемирная свобода! — так я приветствую тебя, Вождь».

Призыв вернуть празднику его изначальный смысл, «очистить» его героев от пафосной накипи вновь прозвучал в конце 1960-х годов

⁹ Цит. по: Onagy 2010.

в запрещенном к печати стихотворении Йозефа Уташши (1941–2010) «Взывает март» («*Zúg március*», 1969), где поэт обращается к Петёфи с библейским призывом:

Встань и иди, Шандор Петёфи! <...> Встань, как твоя революция! /
Собери свои кости, друг: / Крадут из корзины изобилия, / Крадут
со стола права / От имени народов! А ты мертв?!

Во второй половине 1930-х годов, сравнивая прошлое и настоящее, Дюла Ийеш (1902–1983) в стихотворении «Два марта» («*Két március*», 1937) переключается со своими недавними предшественниками — Ади и Юхасом. Радикализация националистических настроений меняет тональность праздника («пена у рта»), заставляет поэта «встревоженно» обернуться назад — («увы, не вперед!»), пока новые и старые троны гордо возвышаются: навеки!» — и «устыдиться восторгов». «Праздник может гудеть; здесь у себя / Я праздную тебя в молчании. / Листаю старую книгу и / подбираю слова». Перед мысленным взором автора появляется лик Петёфи:

Закусив губу, он оглядывается и краснеет за страну». В конце стихотворения Ийеш делает неутешительный вывод: тогда, в 1848 г., венграм последний раз удалось «повысить себя в цене», современники (к ним себя причисляет и сам поэт), увы, «лишь говорить горазды», а «Свобода, Борьба и Любовь, / Ушли в прошлое как дилижансы.

В написанном два года спустя «Мартовском снеге» (*Márciusi hó*, 1939) Золтана Йекей (1913–1982) видим образ «застывшей в зиме страны» (ср. с «ледяным страданием» Ади), где надгробия павших героев «тихо покрывает снег». Единственное, что может сохранить их славу, не позволить «втоптать в грязь окровавленный лавр» — это память: «Тайна нашей вечной жизни иная: / Воспоминание, живущее глубоко в сердце».

Во второй половине 1940-х годов, после окончания Второй мировой войны и прихода к власти коммунистов, отношение к 15 марта предсказуемо меняется. Согласно официальной риторике цели, которые ставили герои марта, наконец, были достигнуты. Празднование столетия событий 1848 г. примечательно тем, что к сонму легендарных революционеров — именам Кошута, Петёфи, Михая Танчича (1799–1884), добавилось и имя того, кто «выполнил задачи, поставленные революцией», т.е. Матяша Ракоши. В последующие годы праздник постепенно

начали «размывать», главным образом, из-за исторически связанных с ним требований свободы печати и антиимперской риторики (потенциально опасной в отношениях с СССР, который можно было проассоциировать с Российской империей). В 1951 г. 15 марта перестало быть выходным днем. Несмотря на все усилия власти «приглушить» пафос праздника, события 1848 г. естественным образом актуализировались в контексте революции 1956 г. Подробно о роли аналогий с антигабсбургскими выступлениями и борьбой за независимость 1848–1849 гг. в октябре — ноябре 1956 г. рассуждает финский исследователь Хейно Нююссönen в статье «Значение 1956 года. Роль политических аналогий в понимании прошлого»¹⁰. Характерное уподобление осени 1956 г. весне 1848 г. наблюдаем в стихотворении «1956», написанном в ноябре того же года активным участником восстания Иштваном Анталфи (р. 1939). Как и Март у Юхаса, революция 1956 г. «святая». Сходство с 1848 г. состоит не только в том, что «слова обрели смысл» и «мир сумел с удивлением услышать обновленный гимн народа», но и в том, что соседи и мнимые союзники «подвели», и народ «вновь обречен». У Анталфи также появляется и образ «втаптывания в кровь/грязь», который ранее использовали Ийеш и Йекей применительно к идеалам Марта — на этот раз («кровавая») Красная армия» и власти проделывают это с «Октябрьской Святой Весной». Таким образом, март 1848 г. в представлении поэта окончательно соединяется с октябрем 1956 г.

После подавления революции 1956 г. власти логично стремились не заострять внимание на праздновании 15 марта — тем более, что лозунг «В марте начнем заново» («*Márciusban újrakezdjük*» — сокращенно *MUK*), прозвучавший еще в ноябре 1956 г. прямо указывал на родство двух революций и стал девизом тех, кто надеялся на продолжение борьбы. 21 марта 1957 г., в день Венгерской советской республики, по улицам Будапешта прошествовали десять тысяч вооруженных членов Рабочей милиции, а по делу *MUK* были арестованы около шести тысяч человек.

С 1967 г. «деградировавшее» 15 марта объединили с 21 марта (днем провозглашения Венгерской советской республики) и 4 апреля (днем освобождения Венгрии от фашизма советскими войсками) и назвали эту серию праздников «весенними днями революционной молодежи». Таким образом, герои революции 1848 г. были поставлены в один ряд с венгерскими большевиками и советскими

¹⁰ Nyüssönen 2008: 51–68.

солдатами. Вслед за Йожефом Уташши (см. выше) об «обесцвечивании» праздника, лишении его прежних смыслов говорит в стихотворении «15 марта» («*Március 15.*», 1970) Гашпар Надь (1949–2007):

Молодые лица
вплетены
в бесцветные
знамена:
в триколор из
СЕРОГО
ЕШЕ БОЛЕЕ СЕРОГО
и ЧЕРНОГО!

С начала 1970-х годов оппозиция проводила 15 марта демонстрации: в 1971 г. в этот день у памятника Петёфи были демонтированы красные знамена, в 1972 г. собравшихся разогнала резиновыми дубинками полиция, в 1973 г. после оппозиционного митинга у памятника Петёфи примерно шестьсот человек проследовали на площадь францисканцев, где на них напала полиция, обвинив в проведении националистического собрания.

Возрождение политического интереса к 15 марта как символу протеста в новых исторических реалиях сказывается и на изменении поэтической риторики, связанной с событиями 1848 г. и их преломлением в современности. В 1972 г. вышло эссе Иштвана Ваши (1910–1991) «Одни козыри» («*Megannyi adu*»), посвященное стихотворению-символу 15 марта — «Национальной песне» Петёфи, в котором один из ведущих на тот момент венгерских поэтов исследует легендарный текст с позиций структурализма, объясняя воздействие его на слушателя и читателя безупречным подбором размера и рифм, и одновременно искренне восхищается им как коллега-стихотворец: «Мы уже и представить себе не можем, что можно было сказать иначе»¹¹. Что же касается революции 1848 г. и конкретно праздника 15 мая, Ваш, скорее, воспринимал их как вечный идеал, свободный от наслоений последующих эпох, и призывал относиться к их символам как к абсолютным ценностям:

Какая разница, сколько разной грязи
Засохло и выцвело на вас,
Мы видели, как развеваются красный, белый, зеленый,
Знамена поверженных революций. <...>

¹¹ Vas 1974: 991–993.

И те, которых мы никогда не видели,
 Реяли pro deo et libertate,
 Стали красными, как у Петёфи.
 («Знамена», *Zászlók*, 1960–1965)

Рассуждения о наследии 1848 г. выходят на новый уровень в поэзии, пожалуй, самого политического из венгерских поэтов второй половины XX в. Дёрдь Петри (1943–2000). Стихи о Марте у него перестают быть ламентациями о невозвратном славном прошлом или призывами к Петёфи встать из могилы, равно как и жалобой на несостоятельность новых поколений. Петри, как и его предшественники, безусловно, смотрит на Март как на некую отправную точку, но пытается актуализировать его как историческое событие, понять, чем становится для современного человека праздник-ритуал, как и что наполняет его жизнью.

В монографии «Дёрдь Петри и венгерская поэзия конца века» Тибор Керестури пишет: «Тягостные годы середины семидесятых, когда на фоне признаков неприкрытой регрессии, серьезных репрессий в сфере культурной политики, начавшихся с жестких действий полиции 15 марта 1973 г. и погрузивших страну затем в кадаровско-ацеловское стагнирующее неподвижное болото, Дёрдь Петри проживает в депрессивном отшельничестве. <...> Он зарабатывает на жизнь поденной умственной работой — в качестве литературного негра занимается редактурой и т. д.»¹².

В стихах Петри 15 марта фигурирует неоднократно на протяжении 1970–1990-х годов. В одном из первых его стихотворений на эту тему, ритмичном марше «Мелодия площади Петёфи» («*Petőfi tér melody*», 1979) праздник предстает выхолощенным, «Химерой», но разочарованные предложенной идеологией граждане оказываются готовы «закипеть»:

Шагаем на площадь Химеры.
 Шагаем на площадь Химеры.
 Шагаем на площадь Химеры.
 Вы-
 сту-
 пать!
 Шагаем на площадь Химеры.
 Шагаем на площадь Химеры.

¹² Keresztury 2013: 113.

Шагаем на площадь Химеры.
На площади Химеры
Нет
Ниче-
го.
Что ж, тогда домой пойдём,
Что ж, тогда домой пойдём,
Что ж, тогда домой пойдём,
По-
Ста
Вим!
Пустые кастрюли,
Пустые кастрюли,
Пустые кастрюли
На
Пли-
Ту!
Поставим воздух,
Поставим воздух,
Поставим воздух
За-
Ки-
Пать!

Десять лет спустя поэт обращается к недавней истории — событиям 1973 г. в стихотворении «На 15 марта» («*Március 15-ikére*», 1989). В подробном анализе этого стихотворения литературовед Дёрдь Вари обращает внимание на то, как Петри соединяет миф и пропускающую за ним реальность: «Приложи ухо / — нет, не к земле! Земли здесь нет, / мы на шестом этаже: / шире, чем метафора — / приложи ухо к паркету, / и услышишь, как стучат копыта». Копыта стучат не сейчас, а стучали тогда, так что услышать их сейчас невозможно: момент воспоминания и самого события не совпадают. Не могло оно происходить одновременно и тогда, в 1848 г.:

Учитывая, что средства
коммуникации и транспорта
не существовали:
событие
вообще не могло обладать масштабом страны:
не могло быть одновременным.

Но март все равно продолжает осуществляться («И все равно март! Назло, наперекор!»), зовет за собой уже новые поколения «патриотов и патриоток», способных испытать «мартовский момент» — пусть и по дороге с разогнанной демонстрации, «с загаженной площади» домой. Последнее слово стихотворения, набранное заглавными буквами НАЗА, как ответ на вопрос «Плещемся... / Куда?» может быть понято по-разному: как наречие «домой», и как обстоятельство места «на родину» и как существительное в именительном падеже «Родина»; «оно одновременно означает и тишину квартир, куда пора бы отправиться участникам демонстрации после того, как они выплеснули свои эмоции. С другой стороны, это один из главных лозунгов/символов революции, равный свободе»¹³ (как в песне Кошута, к которой часто обращался Петри: «Да здравствует венгерская свобода, да здравствует родина» — тут более точным переводом кажется украинское «хай живе»). Сакральное, идеальное время праздника невероятным образом совпало с событием в линейном, профанном времени. Цикличность обретает новый смысл. Призыву-направлению НАЗА предшествует победительное «ДА».

К песне Кошута и возгласу «да здравствует венгерская свобода, да здравствует родина!» Петри возвращается еще раз уже в середине 1990-х годов в стихотворении «Мартовские старцы» («*Márciusi vénék*», 1996), реминисценции на «К мартовским старцам» Ади 1905 г. Горячность революционеров уже не привлекает его, от лица ветерана 1848 г. поэт так описывает события революции: «Много пылких речей. Мало поступков. / Единственный подвиг — то, что сложили оружие; / единственный разумный из всех — Гёргей¹⁴. / Я старею». Самым сильным потрясением (хочется сказать «кадром» — настолько эта сцена у Петри похожа на тщательно выстроенный кадр из фильма) для рассказчика, мартовского старца становится казнь Яноша Дамьянича, одного из активных участников венгерской революции:

У Дамьянича во рту
дымилась сигара,
когда его вешали,

¹³ Váry 2004.

¹⁴ Артур Гёргей (1818–1916) — военный министр революционного правительства, в 1849 г. сдался в плен и сохранил себе жизнь (многие его соратники были казнены), долгое время считался предателем революции.

и помощники палача
не смели к нему прикоснуться.
Noli me tangere.
Дух его — сигарный дым.

На первый взгляд эта картина вполне вписывается в романтический шестидесятнический дискурс, но Петри выводит ее из области национальной романтики в новое пространство натурализма и универсализма, добавляя примечание в прозе:

Как говорят специалисты, в момент повешения у приговоренного происходит опорожнение кишечника и спонтанное мочеиспускание. Они наверняка правы. Но человек остается — личность все-таки делает выбор. Иногда он остается один. И насвистывает, как ребенок, бредущий по лесу. Чтобы не испытывать страх (курсив авторский. — О.Я.).

В 1999 г. в интервью Ласло Кишбали Дёрдь Петри пространно рассуждает о «Национальной песне» Петёфи, словно бы продолжая текст Иштвана Ваша, и в то же время формулируя собственное поэтическое и политическое кредо:

Петёфи был якобинцем. <...> Но в Национальной песне культ насилия отсутствует. Наоборот, политическое содержание в ней очень уравновешенное. Не случайно это стихотворение умудряется приспособить любой режим. <...> В нем нет речи о насилии. Ладно, борьба борьбой, но главное, что мы больше не будем рабами. И есть в нем сильный исторический элемент, связывающий обделенных предков с внуками, живущими уже в более комфортном будущем. Поэт распространяет историческую стихию в обе стороны, так возникает преемственность, охватывающая поколения и эпохи. Настоящая историческая эсхатология. <...> У Петёфи все оправдывает его абсолютная личность. Это одновременно и политические тезисы, но в то же время энтузиазм, облеченный в стихи, вдохновенная рифма и форма делают этот текст совершенно личным. Видно, что писал он это с удовольствием, поэтому нет ощущения, будто это была какая-то повинность¹⁵.

После смены режима Петри уже не видел возможностей для политической поэзии, считал, что «журналистика или речь политика в большей степени способны передавать политическое содержание революционного характера», не видел необходимости

¹⁵ Kisbali 1999.

в политическом стихе, называя его «музейным жанром» и не верил в появление нового Петёфи: «Мы не в состоянии представить себе изменение,двигающее такую чувственную энергию, которая бы требовала стиха»¹⁶.

В 1990-е годы, словно следуя заветам Петри, венгерские поэты постепенно выводят 15 марта и события 1848–1849 гг. из сферы политической рефлексии в пространство мифологического, как в «Стихотворении о вифлеемском младенце» («*Vers a betlehem-i kisdedröl*», 1991) Иштвана Беллы, где брошенного на волю судеб младенца — буханку хлеба, находит волшебный «человек-Петёфи», и с тех пор «по-венгерски его зовут мартом»; или же индивидуального опыта — исторических воспоминаний, нередко связанных с собственными предками. В конце XX — начале XXI в. события 1848 г. уже воспринимаются как очень давняя история — и практически единственный способ соотнести с ней лично — увязать их с историей своей семьи, что и делают в стихотворениях «Мой прадед, март» («*Dédapám, március*», 1985) и «15 марта 1848 года» («*1848. március 15-én*», 2002) Ласло Берток и Имре Оравец.

Ласло Берток вспоминает, что происходило в разные периоды жизни страны, соотнося эти события с воспоминаниями и фактами жизни своих родственников — таким образом вся история Венгрии становится частью истории его семьи:

И будет пятнадцатое марта.
 И я представлю, что сто пятьдесят лет тому назад
 и не жил тот, кого
 из своих предков я более-менее знаю,
 в марте сорок восьмого он был ребенком,
 одиннадцати не было ему, даже сына моего младше на два года, он
 крепостным родился,
 когда Кошута посадили в тюрьму,
 и был написан «Призыв», в тысяча восемьсот тридцать седьмом, так
 близко сердцу моему, что стоит на миг его представить,
 путаю себя с ним, <...>
 и кто пойдет дальше меня
 с моим сыном, скажем, сто пятьдесят
 или сто сорок два года спустя, чтобы
 я не забыл жизнь прадеда,

¹⁶ Kisbali 1999.

то есть в две тысячи сто двадцать первом году,
быть может, пятнадцатого марта,
возможно, с моим правнуком и вместо
меня он сможет сказать здесь, что я завершил то, что должен был
завершить?

У Ласло Бертока 1848 г. и 15 марта, как и у Петёфи в понимании Дёрдя Петри, становятся некоей универсальной точкой отсчета — с одной стороны, события предшествовавшие революции были так давно, что прадед, единственный из чреды родственников, о котором автор помнит, на момент ее начала был всего лишь одиннадцатилетним мальчиком, а с другой — они тянутся в бесконечность.

Упражнение в генетической памяти Яноша Оравеца также напоминает нам о феномене одновременности — невозможной в прошлом и странным образом доступной в настоящем: 15 марта 1848 г. прапрадед поэта занят своими делами — собирается возить навоз, но хозяин заставляет его ехать в лес, а потом

настанет лето, / когда прилетит новость, / что в Пеште что-то произошло, / но то, что Кошут его освободил, он узнает / только годы спустя... / а о Петёфи за всю жизнь так и не услышит.

Наш краткий обзор включает лишь часть огромного поэтического наследия, посвященного событиям 1848–1849 гг. Более того, мы практически не остановились на творчестве поэтов, принимавших непосредственное участие в революции (именами Петёфи и Вёрёш-марти их список далеко не исчерпывается) и писавших о ней во второй половине XIX в. Однако, как и было заявлено в начале, наша цель состояла в том, чтобы показать, как менялось отношение к 15 марта на протяжении XX в., по мере удаления от легендарных событий.

Помимо более подробного исторического экскурса любопытно было также проследить, какие именно стихотворения предлагались и предлагаются для официальных праздничных мероприятий в этот день. Можно предположить, что празднование ставшего уже в значительной степени абстракцией (как это произошло и в России с Днем народного единства) дня революции 1848 г. не подразумевает особой рефлексии исторического или политического свойства. Более того, если вернуться к высказанной ранее идее о связи этого праздника с идеей свободы и ее понимания, уместно, на наш взгляд,

процитировать фрагмент из «Тренингов свободы» Петера Надаша (р. 1942), где автор размышляет о традициях борьбы за национальную независимость и трансформации идеи этой борьбы:

* * *

Традиции 1848 г. к сегодняшнему моменту себя исчерпали, сейчас на первый план вышла скорее их проблематичность, которую мы не осмеливались замечать на протяжении полутора столетий сопротивления. Говорить же о традициях пятьдесят шестого года просто нет смысла: они не пережили кадаровскую эпоху. Не случайно первое свободно избранное венгерское правительство в поисках традиций, на которые оно могло бы опираться, обратилось к хортизму, второе свободно избранное правительство — к традиции кадаризма, т. е. к таким традициям, от которых они, в интересах буржуазного развития, должны были бы решительно откеститься¹⁷.

Исторический пессимизм Надаша (и до него — Петри), безусловно, не отменяет потребность современных венгерских авторов размышлять о месте праздника в национальном сознании. А появление все новых текстов о 15 марта лишь подтверждает актуальность данной темы для венгерской культуры.

Литература

- Földessy 1962 — *Földessy Gy.* Ady minden titkai. Budapest: Magvető Könyvkiadó, 1962. 248. old.
- Keresztury 2013 — *Keresztury T.* Petri György és a századvég magyar költészete. Jyväskylä; Pécs: University of Jyväskylä, 2013. 253. old. (Spectrum Hungarologicum, 5).
- Kisbali [1999] — *Kisbali L.* A forradalmat nem lehet jegelni // Beszélő. [1999]. 4. évf. 3. sz. URL: <http://beszelo.c3.hu/cikkek/%E2%80%9Ea-forradalmat-nem-lehet-jegelni%E2%80%9D> (дата обращения: 19.09.2018).
- Korányi (szerk.) 1989 — Egy népfelkelés dokumentumaiból, 1956 / szerk. T. G. Korányi. Budapest: Tudósítások, 1989. 235. old.
- Nyüssönen 2008 — *Nyüssönen H.* 1956 jelentése. A politikai analógiák szerepe a múlt megértésében // Politikatudományi Szemle. 2008. XVII. évf. 2. sz. 51–68. old.

¹⁷ *Надаш П.* Альтернатива изоляции // *Надаш П.* Тренинги свободы: Избранные эссе / пер. с венгерского Ю. П. Гусева, Е. М. Малыхиной, В. Т. Середы. М.: Три квадрата, 2004. С. 218–226.

- Onagy 2010 — *Onagy Z. Március 15. — évről évre* // Irodalmi Jelen. 2010. 14 III. URL: <https://www.irodalmijelen.hu/05242013-0952/marcius-15-evrol-evre> (дата обращения: 19.12.2018).
- Váry 2004 — *Váry Gy. Orfeusz visszánéz* // Beszélő. 2004. 9. évf. 4. sz. URL: <http://beszelo.c3.hu/cikkek/orfeusz-visszanez> (дата обращения: 05.11.2018).
- Vas 1974 — *Vas I. Megannyi adu. A Nemzeti dalról* // *Vas I. Az ismeretlen isten. Tanulmányok 1934–1973.* Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 1974. 990–997. old

References

- Földessy, Gy., 1962. *Ady minden titkai.* Budapest: Magvető Könyvkiadó, 248. p.
- Keresztury, T., 2013. *Petri György és a századvég magyar költészete.* Jyväskylä; Pécs: University of Jyväskylä, 253 p. (Spectrum Hungarologicum, 5).
- Kisbali, L., [1999]. A forradalmat nem lehet jegelni. *Beszélő*, vol. 3, Nr 4. URL: <http://beszelo.c3.hu/cikkek/%E2%80%9Ea-forradalmat-nem-lehet-jegelni%E2%80%9D> (accessed: 19.09.2018).
- Korányi, T.G., ed., 1989. *Egy népfelkelés dokumentumaiból, 1956.* Budapest: Tudósítások, 235. p.
- Nyüssönen, H., 2008. 1956 jelentése. A politikai analógiák szerepe a múlt megértésében. *Politikatudományi Szemle*, 2 (17), pp. 51–68. old.
- Onagy, Z., 2010. Március 15. — évről évre. *Irodalmi Jelen.* 14 III. URL: <https://www.irodalmijelen.hu/05242013-0952/marcius-15-evrol-evre> (accessed: 19.12.2018).
- Váry, Gy., 2004. Orfeusz visszánéz. *Beszélő*, 4 (9). URL: <http://beszelo.c3.hu/cikkek/orfeusz-visszanez> (accessed: 05.11.2018).
- Vas, I., 1974. Megannyi adu. A Nemzeti dalról. In: Vas, I., 1974. *Az ismeretlen isten. Tanulmányok 1934–1973.* Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, pp. 990–997.

Oksana A. Yakimenko

Senior Lecturer at the Chair for Finno-Ugric Languages, Philological Faculty, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. E-mail: oxana.yakimenko@gmail.com

**“March was but a moment” – 15 March,
the Day of the Hungarian Revolution
of 1848 in Hungarian Poetry: from Petőfi to Petri**

Abstract. The article traces the transformation of the way Hungarian poetry has treated one of Hungary’s main national holidays – 15 March, the Day of the Hungarian Revolution of 1848 – starting from the late nineteenth century up to the early twenty-first century. Over this period, the Revolution of 1848 became a part of the national historical mythology while poets shifted from praising the heroic deeds of the past to reflecting on the role of this memorial day in national, as well as personal history. Such a shift might be explained not only by new political and ideological contexts that have emerged over time, but also through the way the concept of freedom has transformed at both the national and universal level. In terms of the historical scene, we see a shift from a remembrance day glorifying the past to a revolutionary “holiday of holidays” and later to a symbolic celebration of fighting against enemies which vary depending on the period; finally, national romanticism has been replaced with individual and family history.

Keywords: Hungarian literature, Hungarian poetry, poetics, Hungarian Revolution of 1848, political poetry, cultural policies, concept of freedom